

ПАРФЕНОВ М. С.

ЗОНА УЖАСА

Москва

Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
П18

Серийное оформление: *Юлия Межова*

Парфенов, М. С.

П18 Зона ужаса: [сборник рассказов] / М. С. Парфенов.— Москва: Издательство АСТ, 2022.— 443, [1] с.— (HorrorZone).

ISBN 978-5-17-150226-3

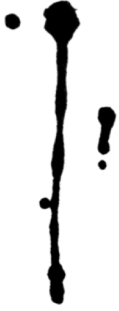
Здесь, в «Зоне ужаса», смертельно опасен каждый вздох, каждый взгляд, каждый шорох. Обычная маршрутка оказывается чудовищем из иных миров. Армия насекомых атакует жилую высотку в Митино. Маленький мальчик спешит на встречу с «не-мертвыми» друзьями. Пожилой мужчина пытается убить монстра, в которого превратилась его престарелая мать. Писатель-детективщик читает дневник маньяка. Паукообразная тварь охотится на младенцев...

Не каждый читатель сможет пройти через это. Не каждый рискнет взглянуть в лицо тому, кто является вам во сне. Вампир-графоман и дьявол-коммерсант — самые мирные обитатели этого мрачного края, который зовется не иначе как ЗОНА УЖАСА.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-150226-3

© Парфенов М. С., текст, 2022
© Валерий Петелин, обложка, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

Несколько слов от автора

Это уже третье издание «Зоны ужаса», и я чувствую, что должен сказать пару слов в связи с этим.

Впервые сборник «Зона ужаса» увидел свет в 2017 году, а многие вошедшие в него рассказы были написаны гораздо, гораздо раньше. Поэтому, если вы наткнетесь здесь на что-то, что покажется вам актуальным, что называется, «на злобу дня» — имейте в виду, что это лишь совпадение. Ну, либо считайте автора гениальным предсказателем — я не стану возражать, хе-хе.

В рассказе «Тени по воде» описывается глобальная пандемия, берущая начало в Азии, что весьма похоже на эпидемию нового коронавируса. Однако сама история родилась в 2014 году. В рассказе под названием «Снежки» (датируется 2016 годом) также можно усмотреть аллюзии на день сегодняшний. Историю о постапокалипсисе «Конец пути» (2015) многие теперь воспринимают как самое натуральное предсказание мирового конфликта и его последствий в нашем ближайшем будущем.

Как видите, все эти вещи написаны отнюдь не по пятам «горячих» событий — это совершенно точно не мое, я так просто не умею.

Кроме того, хочу еще раз отметить, что мои «Мост» и «Гроб на колесах» никак не связаны с рассказами «Троллев мост» Нила Геймана и «Миля 81» Стивена Кинга — «Гроб» так вообще впервые был опубликован на годы раньше, чем Кинг выпустил свой. Впрочем, не стану отрицать, что отчасти меня вдохновляли другие произведения «короля», такие как «Кристина». А вот историю под названием «В пыль» я и правда написал, побуждаемый желанием сочинить что-нибудь в духе кинговской «Серой дряни».

Кстати, «В пыль», как и еще один рассказ из этой книги, «Что тебе снится?», был в прошлом году экранизирован в рамках телепроекта «Не бойся». Вероятно, это что-то говорит о творческом пути автора. Как и то, что «Мост», «Снежки» и «Страну тараканов» перевели на английский и хотят опубликовать за рубежом — кто знает, может, в будущем последует еще одно издание «Зоны ужаса»?.. Я был бы рад.

Как я искренне рад определенному успеху первых изданий этого сборника, за что искренне благодарен всем причастным. Своим родителям, любимой супруге и коту, моим замечательным коллегам по перу, а также читателям и, конечно же, милейшим сотрудникам издательства АСТ и редакции «Астрель-СПб» в частности.

Но пока вас еще не затошнило от обилия книксенов и расшаркиваний, я как автор должен предупредить всех, кто с моим творчеством пока еще не знаком: эта книга называется «Зона УЖАСА», а не «Зона КОМФОРТА».

Здесьние истории порой кусаются.

СТРАНА ТАРАКАНОВ

1

Пешая прогулка от метро к дому занимала у Кости Пургина, как правило, минут двадцать, плюс-минус. Иногда чуть больше, если заглянуть в «Биллу» — он испытывал слабость к тамошним мороженным чизбургерам. Дважды в месяц, после получки и аванса, по пятницам он заскакивал в паб, носивший оригинальное название «Паб», благо тот располагался буквально через дорогу от высотки, в которой Костя снимал квартиру. Так или иначе, но, даже если мутноватый, с привкусом кориандра «Хугарден» удерживал его в пивной дольше положенного, Костя все равно возвращался домой еще засветло. Самое позднее — на закате.

В этот раз дорогу ему уже освещали уличные фонари, а небо покрыла беззвездная ночная тьма. Трудовая неделя в маленькой фирме, где Костя работал, только началась, в «Биллу» заходить надобности не было, но он все равно задержался. И на то у него имелась очень даже веская причина.

Костя переехал в столицу несколько лет назад, мечтая, конечно же, устроиться поближе к центру. Собственная, обязательно двухъярусная, квартира (квартирище!) в Москва-Сити или окрестностях — вот о чем он

лелеял мечты, но пока приходилось ютиться в Митино. Не худший вариант на самом деле, и — лучшее из того, что он мог себе позволить. Всякий, кто хоть раз бывал в Митино, не считая местных — тех, кто тут родился или жил уже долгое время — подтвердит, что это еще не совсем *настоящая* Москва, но уже и не трущобы замкадья. В этот вечер у Кости состоялось романтическое свидание с девушкой из здешних, из тех, кто как раз считает себя полноценными москвичами. Уже третье по счету, но первое, когда Вика пригласила его к себе.

Они неплохо провели время: перекусили чуть теплой пищей за просмотром какого-то глупого фантастического фильма на «ТВ-3», запивая красным домашним вином. Бутылку, подарок кубанских однокашников, принес с собой он, пиццу заказала она. Режиссером фильма был Джим Уайнорски, и ближе к финалу Костя, смеясь, сказал Вике, что в жизни не видел такого дешевого дерьма. А та вместо ответа мягким движением скользнула к нему на руки, подставляя губы для поцелуя.

Потом, после первого, немного сумбурного акта, они вышли покурить, и Костя, смущаясь, показал на свой дом — с ее балкона на двадцатом этаже весь район был как на ладони, виднелась крыша и его высотки на другом конце Митино. «Хорошо,— кивнула Вика.— В следующий раз у тебя заночуем». Из-за уха у нее выпал непослушный выющийся локон, и сердце Кости затрепетало, как у мальчишки. Она добавила, окинув взглядом открывавшийся с верхотуры пейзаж: «Как же все-таки здесь чертовски замечательно!»

В тот момент Костя готов был с ней согласиться, не смотря на свои мечты о Москва-Сити. Вид впечатлял.

Башни панельных домов сторожили покой зеленых газонов, где, как блестящие камушки на дне фонтана, были разбросаны цветастые кругляши игровых площадок. Замечательно или нет, подумал он тогда, но жить здесь и правда не так уж плохо. Далековато, конечно, от *настоящей* Москвы, достаточно далеко, чтобы Костя пять дней в неделю жалел об украденных подземной часах сна и отдыха. Но зато рядом с Викой. А может, ну его к черту, этот Сити?..

Он продолжал думать об этом, возвращаясь к себе, пока лениво плыл по узкому руслу Третьего переуллка, то и дело черпая подошвами асфальтовый ил. Мышцы сладко ныли после второго, куда более продолжительного, нежного и выматывающего приступа страсти. На губах и языке осталась тень ее поцелуев. Костю клонило в сон, отчего все вокруг выглядело чуть иначе, фантастичнее, не так, как обычно. Мысли кружили в голове, как мотыльки в сказочном мареве фонарного света. Колонны многоэтажек подпирали темный небосвод, и Костя сам себе казался маленьким, но весьма довольным насекомым, бессмысленно копошащимся под ногами у мрачных великанов. Этот образ, можно сказать, материализовался, когда из зарослей овсяницы на тротуар перед ним выполз таракан.

2

Ползучие твари вызывали у него отвращение с детства, так что при виде уродца он внутренне содрогнулся и на время забыл про Вику. Фантазия о медовой реке Третьего переуллка, которую Костя успел себе насочинять, треснула и разбилась на мелкие кусочки.

Их с тараканом разделяло несколько метров, но Костя при свете стоящего впереди фонаря достаточно четко видел овальное, цвета спелой маслины, тело. Приближаясь, смог разглядеть шесть изогнутых ножек и пару тонких усиков. Насекомое шевелило ими, напоминая слепца, орудующего не одной, а сразу двумя тросточками. Когда Костя в очередной раз с громким шорохом загреб подошвой асфальт, таракан не бежал обратно в траву, но даже наоборот — развернулся навстречу. Чуть задрав маленькую черную голову, зашевелил усиками, словно собираясь что-то сказать.

Эй, старичок! Не подскажешь, как доползти к ближайшей свалке гниющих отходов?

Должно быть, это проснулись его собственные, внутренние «тараканы». До знакомства с Викой у Кости случилась всего-то парочка не особо удачных свиданий тут, в столице, так что он привык проводить вечера и ночи в одиночестве, разговаривая сам с собой. Со своими внутренними тараканами, у которых был вот этот язвительный, злобный голосок.

Слышь, дылда деревенская? Я что, за тобой гоняться должен?

Ребристый протектор китайского кроссовка припечатал нахальное насекомое к асфальту. Костя как будто наступил на перезревшую вишню — под пяткой раздался еле слышный хруст ее невидимой косточки. Он хотел вытереть подошву о траву, но тут в кармане джинсов ожил смартфон.

Вика?.. О нет. Хриплым голосом Елена Ваенга весело сообщила ему о том, что «даже Ван Гог пил абсент», а потому она не променяет зеленый цвет ни на что другое.

Костя поморщился, пока остатки сонных мечтаний разлетались прочь, будто стайка птиц, потревоженных на стоянке. В его жизни хватало неприятных, но обязательных ритуалов: оплатить счета, вынести мусор... поболтать со своим персональным дьяволом. Следовало позвонить ей после работы, как он делал всегда, каждый вечер. Ему следовало поступить так, чтобы не нарушать заведенный обычай, но сегодня Костя отвлекся, у него в кои-то веки *был* повод отвлечься, и — забыл.

— И что же вы себе возомнили, молодой человек?!

Она выплевывала слова визгливой квакающей скороговоркой, *и шо жа вы са-бэ ва-за-мни-ли, ма-ла-дой ча-ла-вех*. Будто имперский штурмовик, стреляющий из бластера короткими пульсирующими очередями. Ему не нравилось часами кататься в московском метро, он терпеть не мог тараканов, но больше всего Костя ненавидел этот мерзкий говор. На избавление от кубанского акцента у него ушло полгода. Но всякий раз, когда он слышал ее голос в трубке, в нем просыпались те самые внутренние тараканы и начинали нашептывать о том, что ему, сраному провинциальному ничтожеству, никогда не стать *настоящим* москвичом.

По крайней мере до тех пор, пока жива эта старая пьяница.

— Прости, мам, совсем замотался. Как белка в колесе...

— Нет, посмотрите-ка на него! — Это звучало как *са-три-ти-ха-на-ни-хо*. — Мама места себе не найдет, ждет звоночка (*зва-но-щи-ха*) от сыночка (*сы-но-щи-ха*). А он...

Костя ясно представил, как та сидит на старой кухне, с дешевым мобильником в одной руке, банкой «джин-

тоника» в другой и — квакает, квакает, квакает. Изрыгает пульсирующие сгустки плазмы. По с трудом ворочающемуся языку среди подгнивших, коричневых от никотина зубов ползают блестящие, перемазанные желчью твари наподобие той, с которой он только что покончил. И с каждым словом, с каждым чертовым *ии-шо* валятся из разверстой могилы рта в вырез потасканного домашнего халата на массивную желеподобную грудь. Шлепками отмечают встречу с клеенкой на крышке стола, с влажным чмоканьем падают в ее пойло.

Вытравить Елену Николаевну Пургину из своей жизни, как крикливый малоросский акцент, оставить прозябать в дурной компании двух старинных приятелей, джина и тоника. Забыть раз и навсегда. Не этого ли он хотел? Не от ее ли назойливого внимания бежал в столицу?.. Напрасно! Мать была не из тех увядших пенсионерок, что в будни смотрят вечерние ток-шоу на «Первом», а по выходным встают спозаранку, дабы позачеркивать цифры в билетах «Русского лото» и «Золотого ключа». В любой день недели, в любое время суток, трезвая или пьяная — в последние годы чаще пьяная — мать командовала. Привыкла держать на поводке кого-нибудь, на кого можно вдоволь поквакать. Прошлой осенью отчима сразил инсульт, и невидимая петля удушливой материнской «заботы» ту же прежнего затянулась на шее у Кости.

— Мам, ну правда, прости,— безуспешно пытался он оправдаться.— Завал на работе, устал...

— Уста-ал!.. О семье уже (ужо) и подумать некогда!.. Бессовестный... бесстыжий... весь в отца!.. Если (*ес-си*) вы, молодой человек, думаете там (*та-ма*) себе, что (*шо*) можете вот так запросто...

«Вели ей закрыть пасть и *за-пра-ста ат-ва-лить* от тебя,— шепнул внутренний голос.— Раздави погань. Слабо?! Сраная провинция! Потому и не живешь в *настоящей* Москве, а годами копошишься в дерьме у порога. Как таракан, как жалкий гребаный таракан. Ну хотя бы просто сказать «спокойной ночи» и выключить телефон ты способен, ничтожество? Это ведь...»

— ...не так трудно-а?! Костя, ты вообще слышишь, шо мама тебе говорит?

— Да.— Он замер перед пешеходной дорожкой, на перекрестке. Одиноким светофор механически мигал оранжевым глазом, как цветомузыка на самой бессмысленной в мире дискотеке.— Мам, прости, бога ради. Честное слово, нет сил... Спать хочу — умираю.

— Господи (*хос-сна-ади-и*)! — прошипел динамик телефона.— Время-то, время-то сколько (*ско-ха*)!.. А ты еще (*иш-шо, о боже, опять это «иш-шо»!*) даже не дома?! Да какая ж это работа, когда ночь на дворе?!

— Я уже почти дошел, мам,— вздохнул Костя (*раздави ее*), стараясь не прислушиваться к тому (*размажь чертову пьянь по асфальту*), что нашептывал мерзкий голосок.— Просто в офисе задержался. Пару багов нашли в новой версии софта, а на неделе уже сдавать в релиз, ну и...

— В голове твоей баги! — «Вот тут я с тобой согласен, ма, только ты сама и есть один из моих *ба-хов*».— Ни матери позвонить, ни жену завести, ни детей...

— Я работаю над этим,— прошептал он, ощущая, как покидают его последние силы: мать вытягивала из него энергию, словно пылесосом. *Вы-са-сы-ва-ла-се-со-ки*, образно *ха-ва-ря*.— Доброй ночи, мам. Я пойду... Завтра созвонимся, ладно?

— Да уж только попробуй не позвонить (*па-за-нить*)!.. Давай, топай до хаты. Понятно?

— Да, мам. Хорошо, мам.

— Ну, тогда...— Она замолчала, и Костя прямо-таки увидел, как, переводя дух, мамаша прикладывается к банке с джин-тонику. Когда Елена Николаевна продолжила, голос у нее дрогнул и приобрел плаксивые интонации: — Спокойной ночи тебе, сыночек. Утречком брякну тебе. Ты там, это... Не обижайся на старуху-то, ладно?.. Мамка дура, но любит тебя.

— Я тоже тебя люблю,— соврал Пургин и поспешно убрал телефон.

Ему хотелось прикрыть глаза и отключился на минутку-другую самому. Перезагрузить голову. Ночная мгла остудит кипящие мозги. Может, даже удастся вновь настроиться, поймать ту романтическую волну, что несла его раньше, до встречи с одной тварью и телефонного разговора с другой.

Он глубоко вздохнул. Смутное, горьковатое воспоминание: воздух его детства. Тот воздух был свежее и с поздней весны до первых осенних ливней наполнял дом. Мать еще не похоронила отца, еще не стала жить с чужим пришлым дядькой, чтобы затем похоронить и того. Не спивалась за закрытыми ставнями, потому что вообще не пила. А он, маленький Костик, ночи напролет, бывало, воевал в своей спаленке с жадными до крови комарами...

С визгливым ревом мимо промчалась компания байкеров, расстреляв из пробитых выхлопных труб Костины сонные видения. В свете фонарей мотоциклетные шлемы матово блестели, как хитиновый панцирь, а рулевые рукоятки напоминали тараканьи усы.

«В этом городе полно насекомых,— подумал Пургин, провожая взглядом мотоциклистов.— В этом мире, в этой стране...»

И у каж-на-хо сва-и ба-хи в ха-ла-ве.

Краем глаза заметил какое-то движение на тротуаре. Оглянулся — и обомлел.

С десяток черных тараканов окружили влажное, подсыхающее пятно посреди асфальта. Тонкие ножки и усики беспрестанно шевелились. Как, наверное, двигались и челюсти, слишком мелкие, чтобы их можно было увидеть на таком расстоянии.

Тараканы жрали то, что осталось от их сородича.

Еще парочка каннибалов выглянула из овсяницы и метнулась к месту пирушки. А от основной массы вдруг отлип один («Новый вожак?..— пронеслось в голове у Кости.— У тараканов вообще есть свои вожаки?..») и, проворно перебирая всеми шестью ножками, устремился в его сторону. За смельчаком побежали второй, третий... Он не стал смотреть, насколько длинную цепочку образуют насекомые, прежде чем достигнут конца тротуара. Прежде чем доберутся *до него*. Не думая о том, как вообще могло его, взрослого мужчину, напугать *странное* поведение *сранных* тараканов, Костя развернулся и быстрым шагом, почти бегом, пересек «зебру», чтобы исчезнуть на другой стороне дороги в тени своего подъезда.

3

За дверью его накрыло запахом вареной гречки и отдающей чем-то кислым, перебродившим, сыростью. Лампочка на потолке проигрывала неравный бой тьме

по углам маленького холла. В каморке у консьержки было совсем уж темно, лишь слабо мерцал выпуклый кинескоп старенького «Рубина», бросая отсветы на столь же древнее и такое же квадратное лицо дежурной. Старуха жевала кашу и смотрела выступление мэра перед камерами. Звука у телевизора не было, поэтому казалось, что мэр тоже что-то молча жует. Заметив Костю, консьержка выудила пальцы из тарелки и поднялась с дивана.

— Здра-авствуйте!

— Добрый вечер, Азатгуль,— ответил он, отдышавшись. Перед глазами все еще стояла пугающая в своей нелепости картинка: темный ручеек хитиновых панцирей, целенаправленно, *осознанно* текущий в его сторону. Щеки вспыхнули то ли от того, что к лицу прилила отхлынувшая во время пробежки кровь, то ли от запоздалого стыда. Боже! Увидь Вика позорное бегство своего кавалера — и тот мог бы забыть про следующее свидание.

— Припозднились сегодня,— губы старой казашки растянулись в фальшивой подобострастной улыбке, такой же кривой, как и ее раскосые глаза. Над верхней губой торчало несколько темных волосков, а по нижней стекала, набухая на подбородке мутной каплей, пережеванная греча.— На двенадцатом у Петровых сегодня праздник! Вроде как день рождения у девочки ихней. Я вот думаю, это уже слишком. В такое время деткам спать давно пора, а они все шумят-гуляют, в трубу для мусора пустые бутылки бросают...

Костя понятия не имел, кто такие Петровы. Некоторых соседей, с кем пересекался в лифте, он мог бы узнать в лицо, но по фамилиям и кто где живет — не раз-

бирал. Кроме Азатгуль и еще одного пенсионера, дяди Вити, который жил этажом выше... Семей же с детьми в доме хватало: на выходных площадка с качелями и песочницей, насколько он мог оценить, глядя из окна, была заполнена. Скакала ли там среди прочей ребятни девочка каких-то Петровых, его совершенно не волновало.

— ...вот они там пьют, едят, мусорят, а потом у нас в доме вредители заводятся, тараканы.

— Тараканы?.. — Костя невольно вздрогнул.

— Да, да! Тараканы!.. Нашар тарақандар! — Старуха воодушевленно затрясла головой, с подбородка капнуло. — Гадкие тараканы. Вредные, опасные. Еду портят.

Она вытерла рот запачканной в каше ладонью, заставив его поморщиться: *Бывают люди не менее гадкие, чем «тарақандары».*

— И воду еще. Таракан любит воду, особенно такой, как эти.

— Крупные такие, черные? — Костя вспомнил раздавленную тварь: та больше смахивала на жука неизвестного вида, чем на типичного прусака.

— Да, да, точно-точно! — Консьержка закивала еще радостнее, и вареные зерна гречихи полетели в его сторону. — Лесные тарақандар, дикие! Мусорщик жаловался, когда днем заезжал. Много, много тарақандар!

— Так вы сами-то их не видели?

— Видала, видала, а как же! Большой таракан, зўлмат какой черный!.. Еду портить будет, по дому бегать будет, нашар тарақандар!

— А что, Азатгуль... — осторожно поинтересовался Костя. — Эти тарақандары... они вели себя как, нормально?

— Вели как?.. — Она посмотрела на него с удивлением. — Как тараканы...